

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК [1:070](430)(09)+929Беньямин

Из журналистской практики Веймарской республики: интервью Вальтера Беньямина в газете «Ди литерарише Вельт» (1927–1929)

А. В. Ерохин, Л. Н. Ерохина

Ерохин Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры «Английский язык», Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, erochin@yandex.ru

Ерохина Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций, Удмуртский государственный университет, Ижевск, erochin@yandex.ru

В статье на примере девяти интервью в газете «Ди литерарише Вельт» (1927–1929 гг.) рассматриваются малоизученные аспекты журналистской деятельности немецкого философа Вальтера Беньямина. В статье показано, как эксперименты Беньямина над жанром интервью одновременно приблизили его к методу диалектического материализма и актуализировали поэтику диалога начала XX в.

Ключевые слова: Вальтер Беньямин, Веймарская республика, история журналистики Германии, интервью, диалог, литература Франции.

Поступила в редакцию: 03.04.2020 / Принята: 27.04.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

On Journalistic Practice of Weimar Republic: Walter Benjamin's Interview in the Newspaper "Die literarische Welt" (1927–1929)

A. V. Erokhin, L. N. Erokhina

Aleksander V. Erokhin, <https://orcid.org/0000-0002-2912-3317>, Izhevsk State Technical University, 7 Studencheskaya St., Izhevsk 426069, Russia, erochin@yandex.ru

Liudmila N. Erokhina, <https://orcid.org/0000-0003-2384-4997>, Udmurt State University, 1 Universitetskaya St., Izhevsk 426034, Russia, erochin@yandex.ru

The article examines underexplored aspects of the famous German philosopher Walter Benjamin's journalism. Nine interviews in the newspaper "Die literarische Welt" have been chosen to show how Benjamin's experiments with the genre of interview contributed to the development of his dialectic materialism and, at the same time, updated the poetics of the dialogue of the early twentieth century.

Keywords: Walter Benjamin, Weimar Republic, history of German journalism, interview, dialogue, French literature.

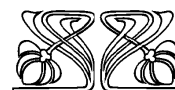
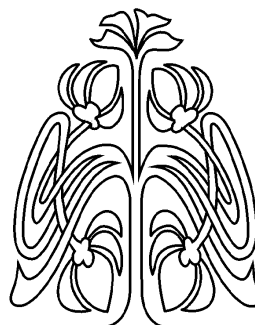
Received: 03.04.2020 / Accepted: 27.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

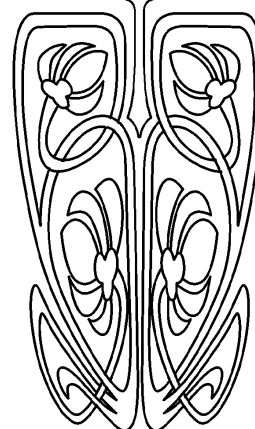
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-343-348>

Вальтер Беньямин (1892–1940) сегодня хорошо известен в России как философ, литературный критик, теоретик культуры и масс-медиа. Большинство его крупных работ переведено за последние годы на русский язык. В российской науке также сформировался представительный корпус текстов об этом немецком авторе, в котором ведущее место занимают исследования философского, литературоведческого и медийно-теоретического характера.

© Ерохин А. В., Ерохина Л. Н., 2020

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

К проблематике нашей статьи ближе всего находятся работы Д. А. Смирнова «Вальтер Беньямин и его модели публичного интеллектуала»¹, И. М. Чубарова «Теория медиа Вальтера Беньямина и русский левый авангард: газета, радио, кино»², а также одного из авторов данной статьи А. В. Ерохина «Вальтер Беньямин и Россия»³. Во всех трех работах тема газетной журналистики и прессы отодвинута на второй план.

У Д. А. Смирнова речь идет о типах современного публичного интеллектуала и формах его коммуникации с обществом. В рамках этой типологии, остроумно сближающей концепции «оперирующего писателя» у Сергея Третьякова и «деструктивного характера» у Беньямина, определенное внимание уделяется газетной журналистике как одной из коррумпированных форм производства мнений в капиталистическом обществе⁴. Журналистика, вслед за Беньямином и австрийским писателем Карлом Краусом, рассматривается автором статьи критически, как мир в целом бранный, ничтожный и продажный⁵.

И. М. Чубаров говорит о комплексной теории медиа у Беньямина, в частности, о его восприятии радио, фотографии, кинематографа и «медиаорефлексивном» подходе к познанию⁶. Чубаров специально останавливается на деятельности Беньямина на франкфуртской радиостанции «Зюдвестдойче Рундфунк», справедливо называя его одним из пионеров радиожурналистики⁷. Это, насколько нам известно, первое в России исследование прикладной журналистской деятельности Беньямина в годы Веймарской республики. Что касается газет и прессы, то автор, наряду с рассмотрением вопросов коллективного авторства и литературизации социальной жизни в Советском Союзе, как и Смирнов, останавливается на интерпретации того, как в мышлении Беньямина преломилась концепция «оперирующего писателя»⁸.

В статье А. В. Ерохина, в рамках более общей проблемы восприятия Беньямином России и российской культуры, тема массовой печати также затронута в связи с посещением Беньямином Советской России зимой 1926–1927 гг. Упоминаются идеи «оперирующего писателя»⁹ и «всеобщей литературной компетенции»¹⁰. Последняя у Беньямина «гарантируется не специализированным, но политехническим образованием»¹¹. Мысли Беньямина относительно передовой практики массовых медиа в России, по словам Ерохина, обусловлены не только его непосредственным московским опытом, но и сходством многообразных литературных функций в Советской России с теми литературно-журналистскими занятиями, с которыми Беньямин столкнулся, работая в различных периодических изданиях в Германии в 1920–1930-е гг., прежде всего во «Франкфуртер Цайтунг» и «Ди литерарише Вельт»¹².

Следует признать, что роль газетной журналистики в творчестве Беньямина в целом освещена

довольно слабо как в России, так и за рубежом. В основном исследователи ограничиваются констатацией известных фактов сотрудничества Беньямина с периодическими изданиями Германии и Европы (Голландии и Франции)¹³. Стилистика самих журналистских работ Беньямина в прессе подробно не рассматривается. Некоторым исключением являются его книжные рецензии и эссе, но и они анализируются не в контексте журналистской деятельности, а в рамках его философских и литературоведческих штудий. Главная причина этого невнимания заключается в скептическом отношении к журналистике со стороны как самого Беньямина, так и его исследователей, воспринимающих его газетные публикации как литературную подцензину, не содержащую глубоких, новаторских идей. В данной статье мы намерены частично заполнить образовавшуюся исследовательскую нишу, поставив в центр внимания идейные, жанровые и стилистические особенности девяти журналистских интервью, которые Беньямин провел, сотрудничая с еженедельной газетой «Ди литерарише Вельт», издававшейся с 1925 г. в Берлине. Это три интервью 1927 года с французскими авторами: политиком и публицистом Жоржем Валуа (1878–1945), писательницей Колетт (1873–1954), литературным критиком Бенжаменом Кремье (1888–1944). В 1928 г. «Ди литерарише Вельт» также напечатала три интервью Беньямина: с известным французским писателем Андре Жидом (1869–1951), советским театральным режиссером А. М. Грановским (1890–1937) и голливудской киноактрисой китайского происхождения Анной Мэй Вонг (1905–1961). В 1929 г. в «Ди литерарише Вельт» вышли еще два интервью Беньямина: с французским издателем и типографом Франсуа Бернуаром (1884–1949) и с близким другом Беньямина композитором, переводчиком и радиожурналистом Эрнстом Шёном (1894–1960). Кроме того, в наш список в порядке исключения включено другое интервью Беньямина с Жидом, опубликованное в берлинской газете «Дойче Альгемайне Цайтунг» в 1928 г.

Журналистская деятельность Беньямина в целом была, безусловно, вынужденной. Крушение академической карьеры (в 1925 г. Беньямин отозвал свою вторую, докторскую диссертацию с философского факультета университета Франкфурта-на-Майне) заставило его искать возможности карьеры и заработка в области журналистики, к которой он, как и большинство интеллектуалов того времени, относился высоко. Несмотря на это пренебрежение, вплоть до прихода к власти нацистов в 1933 г. Беньямин исключительно активно и плодотворно работал в немецкой прессе, публикуя тексты самого разного жанра и формата – статьи, рецензии, очерки, заметки, отчеты, а также своеобразные интервью или «беседы» (Gespräche), о которых речь пойдет ниже.

Сотрудничеством с «Ди литерарише Вельт» Беньямин обязан одному из своих знакомых, литератору, киносценаристу и журналисту Вилли Хаасу, который на рубеже двадцатых–тридцатых годов был редактором этого издания. Хаасу, который, по словам близко знавшего Беньямина Гершома Шолема, предоставил тому «полную свободу действий»¹⁴, принадлежит уважительная характеристика Беньямина как журналиста: «Из всех тех, кто почтил мой еженедельный журнал “Ди литерарише Вельт” регулярным сотрудничеством с ним, я ни к кому не испытывал большего уважения, чем к Вальтеру Беньямину. Он представлял собой полную противоположность простому эрудиту – несмотря на свои обширные познания. Устно или письменно затрагивая какую-либо тему, он никогда не прибегал к аналогиям, метафорам и определениям: всякий раз казалось, что он кропотливо докапывается до самой сути вопроса, подобно гному, спрятавшему свои сокровища в шахте, вход в которую завален»¹⁵.

Отзыв Хааса не затрагивает всей специфики журналистской деятельности Беньямина. Скорее, напротив: Хаас прошел мимо важнейшей особенности писательского и научного стиля Беньямина – его склонности к образному, метафорическому мышлению, необходимому в том числе для продуктивной работы с современными медиа. (Об образности Беньямина в его интервью далее будет сказано подробнее.)

Одним из журналистских жанров, в которых в полной мере проявилась творческая оригинальность Беньямина не только как публициста, но и как эссеиста, критика и исследователя, стало интервью. Оговоримся: с сегодняшней точки зрения тексты Беньямина, о которых пойдет речь, едва ли соответствуют современному пониманию интервью, представленному, например, в следующем определении: «Интервью – это целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов с целью получения информации, мнений или суждений, представляющих общественный интерес»¹⁶.

Чтобы в полной мере выявить оригинальность журналистских «бесед» Беньямина на фоне процитированной дефиниции, обратимся к вышеназванным девяти интервью немецкого автора. Первые два интервью – с Валуа и Колетт – появились в рамках проекта «Ди литерарише Вельт», предполагавшего публикацию серии статей и интервью под общим названием «Великие противоречия нашего времени». В рамках этого замысла планировалось выпускать по два дискуссионных материала на актуальные темы общественной жизни. В этих материалах должны были сталкиваться альтернативные взгляды на центральные политические, религиозные, социальные и эстетические проблемы эпохи¹⁷. Так,

в пару к интервью Беньямина о феномене политической диктатуры с Валуа, занимавшим в то время крайне правые политические позиции, газета опубликовала материал А. И. Балабановой (1878–1965), противницы диктатуры, стоявшей на социалистических позициях.

Интервью с Валуа и Колетт обнаруживают ряд характерных особенностей работы Беньямина с журналистским жанром интервью, которые будут повторяться в дальнейших материалах. Так, несмотря на подзаголовок «интервью», данный беседе с Валуа, в ней полностью отсутствует та ситуация «последовательного чередования вопросов и ответов», которая дана в современном определении интервью. В тексте Беньямина, состоящем из девяти коротких глав, нет ни одного прямого вопроса или ответа. Он начинается со вступления, в котором Беньямин кратко формулирует теорию фашизма и свое к ней отрицательное отношение, а также уточняет взгляды Валуа в рамках фашистского учения и характеризует его интеллектуальную карьеру. После вступления, которое занимает чуть меньше половины всего интервью, Беньямин довольно подробно описывает внешние обстоятельства и невербальные коммуникативные особенности его встречи с Валуа, в частности, интерьер помещения, жестикуляцию и интонацию интервьюируемого. Интервью в изложении Беньямина заканчивается неожиданно: увидев на столе Валуа револьвер, автор спешит завершить свою беседу и перейти к финальным обобщениям. Текст заканчивается фразой, аллегорически подчеркивающей значение увиденного у Валуа на столе оружия: в фашистской формуле Валуа, избегающей открытой апологии диктатуры, апелляция к национальному единству не столько скрывает, сколько наглядно демонстрирует угрожающее сверкание «лезвий топоров по имени “Страх” и “Послушание”»¹⁸.

В своем «интервью» Беньямин нигде не дает слова своему собеседнику, ограничиваясь сжатой и критической передачей его точки зрения. Его цель в этом случае – разоблачить демагогию интервьюируемого, раскрыть через метафоры оружия ту реальную практику насилия и жестокости, которая скрывается под маской туманной политической риторики.

Интервью с Валуа – единственное у Беньямина, в котором позиция собеседника не принимается с самого начала и подвергается процедуре критического дистанцирования. Для общения с другими своими визави Беньямин выбирает другую тактику, которая, напротив, основывается на доверительном общении и позволяет автору более свободно использовать прямую речь интервьюируемых.

Так, в случае с писательницей Колетт центральное место занимают ее монологи, направленные против участия женщин в политической жизни. Сам интервьюер большую часть времени

хранит молчание – как из чувства вежливости, так и некоторой неловкости в силу избранной темы. Исходя из скудных реплик и комментариев Бенямина в ходе этой беседы, его позицию можно обозначить как заинтересованное, сочувственное, но в то же время слегка ироничное отношение к писательнице, оставшейся, несмотря на свой ум и талант, в стороне от социальных и политических тенденций современной жизни. Как и в интервью с Валуа, Бенямин большое внимание уделяет месту и времени беседы, описывая, например, обстановку квартиры в Пале Рояль, где поселилась Колетт, а также указывая точное время суток, месяц и погодные условия в день встречи (дождь). Бенямина как интервьюера и исследователя интересует целостный облик Колетт, складывающийся из деталей ее ближайшего окружения и особенностей ее речи – темпа, интонации, мимики. Колетт для него – продукт уходящей эпохи, той самой старой Франции, чьи следы еще сохранились в особняке Пале Рояль, в этом «укромном уголке старого города, ветшающем под дождями и молчащем в одиночестве, подобно множеству отслуживших свое людей и животных, которых она умела описывать так правдиво и с такой горечью»¹⁹.

Повторим: уже на материале двух описанных интервью можно видеть, что так называемые интервью Бенямина не являются в полной мере «последовательным чередованием вопросов и ответов с целью получения информации, мнений или суждений», как это сформулировано в известном нам определении. Его опубликованные интервью, скорее, можно считать отчетами, эссе или мимолетными биографическими зарисовками, основанными на черновых записях бесед, которые, в свою очередь, были пропущены через интенсивный процесс авторской рефлексии. Авторефлексия трансформирует саму форму интервью, видоизменяя его стиль и композицию, смешивая различные жанры и дискурсы. Например, Бенямин очень свободно формулирует собственные вопросы. Они далеко не всегда подаются как прямые, во многих случаях растворяясь в повествовательной речи автора. Характерный пример такого переключения от диалогического регистра к повествовательному и обратно дан в одном из разговоров с Андре Жидом, «Андре Жид и Германия», опубликованном в «Дойче Альгемайне Цайтунг», где автор, инспирированный одной из прочитанных им книг Жида, описывает свой вопрос как немотивированный и незапланированный: «<...> и тут я вмешиваюсь своим вопросом в разговор»²⁰.

Задача подобным образом оформленных вопросов – на примере интервью с Жидом – состоит в придании интервью более доверительного и раскованного характера, в сближении позиции автора и его собеседника. При этом Бенямин намеренно создает впечатление, что его вопросы не готовились заранее, что они вызваны спонтан-

ной реакцией на слова его визави. В этом смысле он часто подчеркнуто драматизирует свое интервью, то меняя вопросы, то отказываясь от них, то отдавая инициативу собеседнику: «Но дело не доходит до возможности самому услышать то, что на это ответит Жид»²¹. С другой стороны, некоторые вопросы формулируются Бенямином не как индивидуальные, авторские, а косвенно, как общий запрос, исходящий от читательской аудитории. Такой отвлеченный запрос, например, высказывается в беседе с Грановским: «Здесь будет уместным спросить господина Грановского о его отношении к старому театру на идиш, о его карьере в рамках этой школы»²². Или, предвосхищая ответ собеседника на заданный вопрос: «Но если бы мы захотели выпытать у Грановского его последнее слово о том, чем он объясняет размах и длительность своей театральной работы, то он поставил бы на первое место педагогическое воздействие <...>»²³.

Многое в журналистской технике интервью у Бенямина опирается на отношения доверительности между автором и читателями газеты. Бенямин в своих беседах обращается к определенному, хорошо ему знакомому типу читателя, разделяющему с ним демократические и художественные ценности. Это дает ему возможность непринужденно менять форму и характер вопросов, реплик и комментариев, а также при необходимости открыто демонстрировать свою неудачу как интервьюера, что можно наблюдать в одном из эпизодов беседы с Грановским, где заданный в лоб вопрос наталкивается на неприятие и нежелание отвечать²⁴. Бенямин также предполагает в своих читателях немалую начитанность и знакомство с его собственным журналистским творчеством. Так, уже упоминавшееся интервью с Жидом в «Дойче Альгемайне Цайтунг» открывается ссылкой на разговор Бенямина с критиком Бенжаменом Кремье в другой газете. В данном случае целый фрагмент одного интервью переносится в другое, тем самым нарушая принцип «целостного акта коммуникации», провозглашенный в известном нам определении.

Интервью Бенямина в целом не столько информативны, сколько идейно и политически заострены, актуализированы. Он использует жанр интервью для выражения многих своих политических и научных идей, но делает это исключительно корректно и умело. Несмотря на то что канон журналистского интервью еще только формировался в 20–30-х гг. XX в., газетная практика Бенямина свидетельствует о нем как о талантливом и профессиональном журналисте, не идущем за готовыми образцами и требованиями жанра, а свободно приспособляющим их к собственным интересам.

Во всех интервью Бенямин выступает на равных со своими респондентами, независимо от собственного к ним отношения. Среди его задач – проиллюстрировать ход мысли равноправ-

ных собеседников, выявить интеллектуальную и образную логику общения. Для этого он мастерски пользуется различными журналистскими, литературными приемами – сменой речевой дистанции и стратегии общения, рамочной конструкцией, лейтмотивами, прямым и косвенным цитированием.

Особую изобретательность Беньямин демонстрирует в использовании рамочных конструкций, встречающихся в большинстве его интервью, за исключением бесед с Кремье, Жидом (в «Дойче Альгемейне Цайтунг»), Грановским и Шёном. О рамках, описывающих место и время бесед с Валуа и Колетт, уже говорилось выше. Второе интервью с Жидом, напечатанное в «Ди-литерарише Вельт», проводится Беньямином в прагматичной и аскетичной комнате берлинского отеля, освещенной утренним светом, что, по мысли Беньямина, должно соответствовать беспокойной и в то же время замкнутой натуре часто путешествующего писателя²⁵. Беседа с актрисой Мэй Вонг разворачивается в узком кругу в изящной обстановке берлинского дома. В качестве «ключа», задающего темп и тональность общения с актрисой, Беньямин выбирает мотив качелей: «Из вопросов и ответов Мэй Вонг сооружает себе качели: она откидывается назад, возвращается, опускается, снова возвращается, и мне представляется, что время от времени я подталкиваю ее»²⁶. С издателем и печатником Бернуаром Беньямин встречается за завтраком в небольшом доме. Тесное помещение дает ему необходимый мотив для характеристики своего респондента, его образа жизни и профессии: «Никогда в жизни я не сидел в более тесном офисе, своего рода камерке из времен первопечатников; не офис, а настоящая инкунабула, если бы не висел телефон на стене»²⁷.

Эстетизация Беньямином журналистского жанра интервью не случайна и связана с популярностью жанра философско-эстетического диалога на рубеже XIX–XX вв., в эпоху формирования Беньямина как автора. Возвращение к старинной, платоновской форме диалога происходит в это время как в философии (Владимир Соловьев, Фридрих Ницше, Мартин Бубер), так и в литературе и художественной критике. Если ограничиваться только австрийской и немецкой традицией, то Беньямин, безусловно, был хорошо знаком с образцами нового диалогического жанра у писателей и критиков Гуго фон Гофманстала, Райнера Марии Рильке, Рудольфа Каснера, Рудольфа Борхардта и Дьёрдя Лукача²⁸. В молодости он также отдал дань уважения этому жанру в таких не опубликованных при жизни текстах, как «Диалог о современной религиозности», «Разговор о любви», «Радуга» и «Метафизика юности».

Что касается внешних, рамочных атрибутов беньяминовских интервью, то они также могут восходить к эстетике рубежа веков, в частности

к диалогам Гофманстала «Смысл жизни. Диалог в манере Платона из Афин» (1892), «О характерах в романе и драме» (1902), «Разговор о стихах» (1903), «Разговор о “Тассо” Гёте» (1906). Диалоги Гофманстала, как и описанные нами интервью Беньямина, отличаются интересом к ритуалу и декору, деталям интерьера и синтезу чувственных впечатлений²⁹.

В то же время интервью Беньямина не только отражают его былое увлечение диалогами fin de siècle. Они также имеют косвенное отношение к его современным научным интересам, и прежде всего к работам по теории медиа, урбанистике и истории материалистической культуры модерна. В частности, упомянутое предметное обрамление интервью заставляет вспомнить о знаменитом беньяминовском понятии «ауры», которое в анализируемых нами текстах не употребляется, но, тем не менее, вполне уместно в качестве фона для характеристики людей и их материального окружения. Каждый из собеседников Беньямина в выделенных нами интервью погружен в такую уникальную «ауру», создаваемую не только его интересами и занятиями, но и вещами, интерьером, погодой и городским ландшафтом. Здесь, в рамках «прикладного» жанра журналистского интервью, проявляются и собственные увлечения Беньямина как коллекционера предметов уходящего быта (прежде всего книг и игрушек), а также становятся заметными контуры его более позднего незавершенного проекта «Пассажи», посвященного подробному описанию Парижа XIX в. В этом «плотном» описании большую роль должен был играть анализ материальной, вещественной среды города, в том числе таких банальных предметов городской повседневности, как мода, реклама, интерьер буржуазного дома, фотография, железная дорога, биржа и др. Интервью, проведенные Беньямином, также могли послужить импульсом для систематизации и категоризации разнообразного опыта жителей большого города в эпоху позднего модерна.

В заключение подчеркнем, что, несмотря на вынужденный характер своих занятий журналистикой, Вальтер Беньямин проявил себя как талантливый и зрелый журналист со своей собственной журналистской стратегией, питающейся различными источниками: интересом к современности и ее техническим достижениям, идеологической и политической ангажированностью, историей городской материальной культуры, литературной поэтикой рубежа XIX–XX вв. Все эти импульсы соединились у Беньямина в узнаваемой журналистской «технике», обогатив массовую печать Веймарской республики многими оригинальными чертами, прежде всего утонченностью, глубиной и новизной подхода. Не будем забывать, что он работал над своими интервью во время активного увлечения (под влиянием Аси Лацис, Дьёрдя Лукача и Бертольда

Брехта) марксизмом и диалектическим материализмом. Но даже при всем своем стремлении к политико-идеологической актуализации, о котором говорилось выше, ни в одном из интервью Беньямин не высказывает прямой, «лобовой» поддержки левого политического движения. То «загадочное соположение двух способов мышления – метафизически-теологического и материалистического»³⁰, которое Шолем видел у своего друга Беньямина, в газетных интервью было дополнено и обогащено эстетически продуманной формой, в отдельных проявлениях восходящей к поэтике fin de siècle. Это позволило – в скромных рамках журналистского жанра интервью – добиться эффекта сглаживания и примирения внутренне конфликтных мыслительных принципов, неоднократно отмечаемых соратниками и оппонентами Беньямина.

Примечания

- 1 См.: Смирнов Д. Вальтер Беньямин и его модели публичного интеллектуала // Изв. вузов. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 7, № 4. С. 269–274.
- 2 См.: Чубаров И. Теория медиа Вальтера Беньямина и русский левый авангард : газета, радио, кино // Логос. 2018. Т. 28, № 1 (122). С. 233–260.
- 3 См.: Ерохин А. Вальтер Беньямин и Россия // Россия – Германия : литературные встречи (1880–1945) : сб. ст. М. : ИМЛИ РАН, 2017. С. 90–120.
- 4 См.: Смирнов Д. Указ. соч. С. 273.
- 5 Там же.
- 6 См.: Чубаров И. Указ. соч. С. 244–245.
- 7 Там же. С. 237.
- 8 Там же. С. 252–254.
- 9 Ерохин А. Указ. соч. С. 100.
- 10 Там же. С. 101.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 100.
- 13 См.: Kang J. Walter Benjamin and the Media. The Spectacle of Modernity. Malden, MA : Polity Press, 2014. P. 38–50.
- 14 Шолем Г. Вальтер Беньямин – история одной дружбы. М. : Грюндриссе, 2014. С. 207.
- 15 Айленд Х., Дженнингс М. Вальтер Беньямин. Критическая жизнь / пер. с англ. Н. Эдельмана ; под науч. ред. В. Анашвили и И. Чубарова. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 251.
- 16 Ильченко С. Интервью в журналистике : как это делается : учеб. пособие. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2016. С. 16.
- 17 См.: Benjamin W. Gesammelte Schriften : in 7 Bdn. Bd. 4 (2). Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1991. S. 1035.
- 18 Ibid. Bd. 4 (1). S. 492.
- 19 Ibid. S. 495.
- 20 Ibid. S. 499.
- 21 Ibid. S. 500.
- 22 Ibid. S. 519.
- 23 Ibid. S. 521.
- 24 Ibid. S. 519.
- 25 Ibid. S. 502.
- 26 Ibid. S. 525.
- 27 Ibid. S. 545.
- 28 См.: Ерохин А. Жанры диалога и эссе в немецкоязычной литературе рубежа XIX и XX веков (Г. фон Гофмансталь и Р. М. Рильке) // Балтийский филологический курьер. 2011. № 8. С. 205–207.
- 29 Там же. С. 208–209.
- 30 Шолем Г. Указ. соч. С. 204.

Образец для цитирования:

Ерохин А. В., Ерохина Л. Н. Из журналистской практики Веймарской республики: интервью Вальтера Беньямина в газете «Ди литерарише Вельт» (1927–1929) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 343–348. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-343-348>

Cite this article as:

Erokhin A. V., Erokhina L. N. On Journalistic Practice of Weimar Republic: Walter Benjamin's Interview in the Newspaper "Die literarische Welt" (1927–1929). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 343–348 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-343-348>